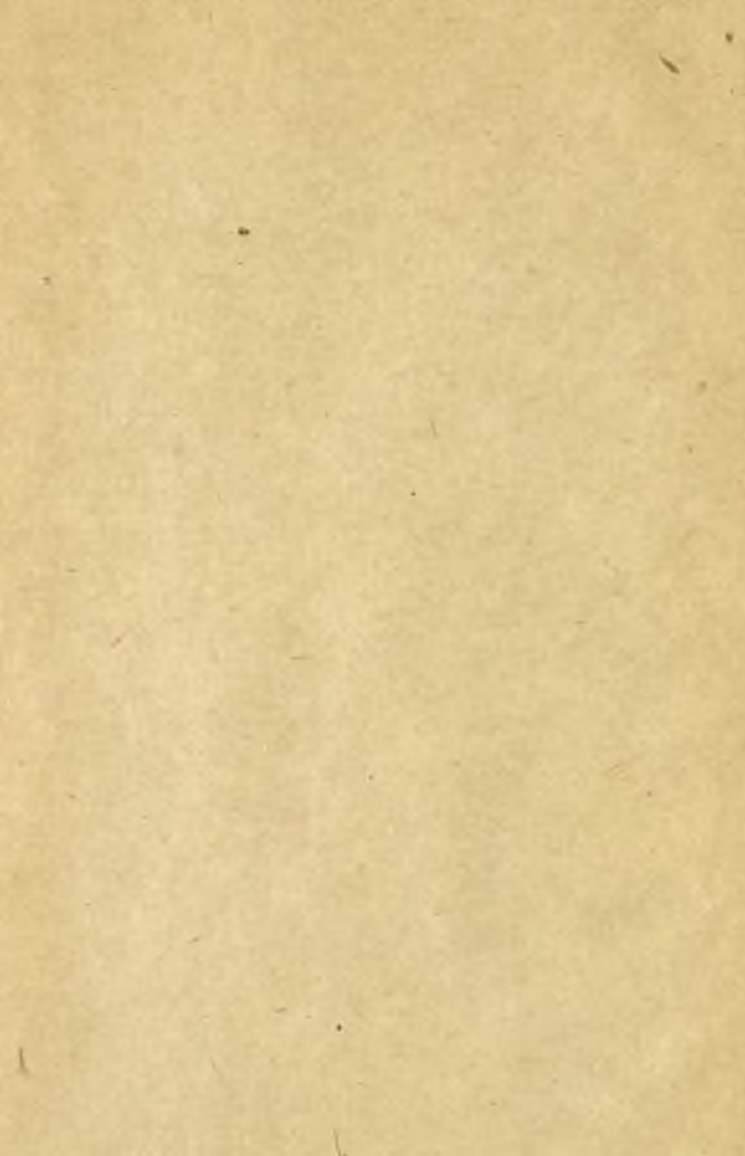

M 191
201

L'État et l'Eglise par le comte Leo Tolstoi.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ЦРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

BERLIN W.

Verlag von Cassirer & Danziger,

Friedrichstrasse 83a

Jetzt: Verlag Hugo Steinitz

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

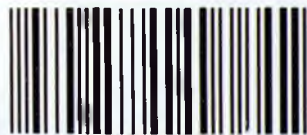
ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО.

28-5703

BERLIN W.

Verlag von Cassirer & Danziger,
Friedrichstrasse 85a.

2007053879

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая настоящую брошюру, мы старались исполнить пробѣлъ въ изданіяхъ философскихъ размышленій Льва Николаевича.

Эта статья написана графомъ нѣсколько времени тому назадъ, но до сихъ поръ не появлялась въ печати, за исключеніемъ 2—3 незначительныхъ изданій на гектографѣ.

Предлагая мыслящей публикѣ настоящее изданіе, считаемъ своимъ долгомъ замѣтить, что не слѣдуетъ смѣшивать понятія Льва Николаевича о Богѣ, Христѣ и религіи — съ понятіемъ его о церкви. Л. Н. Толстой отрицаетъ лишь настоящую церковь, т. е. настоящее устройство духовнаго вѣдомства и потому является лишь противникомъ настоящаго церковнаго устройства и — ярымъ защитникомъ и по-

борникомъ ученія Иисуса Христа въ эпоху первыхъ вѣковъ Христіанства, когда послѣднее было свободнымъ ученіемъ, основаннымъ на вѣрѣ и любви къ ближнему.

Издатели.

Берлинъ, $\frac{10 \text{ Февраля}}{29 \text{ Января}}$ 1891 г.

Вѣра есть смыслъ, даваемый жизни, есть то, что даетъ силу, направленіе жизни. Каждый живущій человѣкъ находитъ этотъ смыслъ и живетъ на основаніи его. Если не найдетъ, то онъ умираетъ. Въ исключеніи этомъ онъ пользуется всѣмъ тѣмъ, что выработало все человѣчество. Все выработанное человѣчествомъ называется откровеніемъ. Откровеніе есть то, что помогаетъ человѣку понять смыслъ жизни. Вотъ отношеніе человѣка къ вѣрѣ. Что же за удивительная вещь? Являются люди, которые изъ кожи лѣзутъ вонъ для того, чтобы другіе люди пользовались непременно этой, а не той формой откровенія; не могутъ быть покойны, пока другіе не примутъ ихъ, именно ихъ формы откровенія; проклинаятъ, казнятъ, убиваютъ всѣхъ, кого могутъ изъ несогласныхъ. Другіе то же самое дѣлаютъ: проклинаятъ, казнятъ, убиваютъ всѣхъ, кого могутъ изъ несогласныхъ, третьи — то-же самое.

И такъ всё другъ друга проклинали, казнятъ, убиваютъ, требуя, чтобы всё вѣрили какъ они. И выходитъ, что ихъ сотни вѣрь и всё проклинали, казнятъ и убиваютъ другъ друга.

Я сначала былъ пораженъ тѣмъ, какъ такая очевидная бессмыслица, такое очевидное противорѣчiе не уничтожаютъ самоё вѣру, какъ могли оставаться люди, вѣрующiе въ этотъ обманъ и, дѣйствительно, съ общей точки зрѣнiя это непостижимо и неопровержимо доказываетъ, что всякая вѣра есть обманъ и что все это есть суевѣрiе, что и доказываетъ царствующая теперь философiя. Глядя съ общей точки зрѣнiя, и я неотразимо пришелъ къ признанiю того, что всё вѣры обманы людскiе, но я не могъ не остановиться на соображенiи о томъ, что самая глупость обмана, очевидность его и вмѣстѣ съ тѣмъ то, что всетаки все человѣчество поддается ему, что это самое показываетъ, что въ основѣ этого обмана лежитъ что-то необманчивое. Иначе все то глупо, чѣмъ нельзя обманываться. Даже общее всему человѣчеству, истинно живущему, поддача себя подъ обманъ, заставила и меня признать важность того явленiя, которое служить причиной обмана; изъ этого убѣжденiя я сталъ разби-

рать ученія христіанства, служащее основой обману всего христіанскаго человѣчества. Такъ выходитъ съ общей точки зрѣнія, но съ личной точки зрѣнія, съ той, вслѣдствіи которой каждый человѣкъ и я, для того чтобы жить долженъ имѣть вѣру въ смыслъ жизни и имѣть вѣру, — это явленіе насилія въ дѣлѣ вѣры еще болѣе поразительно своей бессмыслицей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ, зачѣмъ, кому можетъ быть нужно, чтобы другой не только вѣрилъ, но и неповѣдывалъ бы свою вѣру, такъ, какъ и я? Человѣкъ живетъ, стало быть знаетъ смыслъ жизни. Онъ установилъ свое отношеніе къ Богу, онъ знаетъ истину истинъ и я знаю истину истинъ. Выраженіе ихъ можетъ быть различно (сущность должна быть одна и таже). Какъ, зачѣмъ, что можетъ меня заставить требовать отъ кого бы то ни было, чтобы онъ выражалъ свою истину непременно такъ, какъ я? Заставить его измѣнить свою вѣру я не могу ни насиліемъ, ни хитростью, ни обманомъ (ложныя чудеса). Вѣра есть его жизнь, какъ-же я могу отнять у него вѣру и дать ему другую? Это все равно, что вынуть изъ него сердце и вставить ему другое. Я могу это сдѣлать только тогда, когда вѣра и

моя, и его — слова, а не то, чѣмъ онъ живетъ, нарость, а не сердце. Этого нельзя сдѣлать и потому, что нельзя обмануть или заставить вѣрить человѣка въ то, во что онъ не вѣритъ, и нельзя потому, что тотъ, кто вѣритъ, т. е. установилъ свои отношенія къ Богу и потому знаетъ, что вѣра есть отношеніе человѣка къ Богу, не можетъ желать установить другого человѣка съ Богомъ посредствомъ насилія или обмана. Это невозможно, но это дѣлалось, дѣлается вездѣ и всюду, т. е. дѣлаться это не могло, потому что это невозможно, но дѣлалось и дѣлается что-то такое, что очень похоже на это. Дѣлалось и дѣлается то, что люди навязываютъ другимъ подобіе вѣры, и другіе принимаютъ это подобіе вѣры, т. е. обмана вѣры. Вѣра не можетъ себя навязывать и не можетъ быть принимаема ради чего нибудь, какъ напр., насилія, обмана или выгоды, а потому это не вѣра, а обманъ вѣры.

И этотъ то обманъ вѣры есть старое условіе жизни человѣчества. Въ чемъ же состоитъ обманъ и на чемъ онъ основанъ? Чѣмъ вызванъ для обманывающихъ и чѣмъ держится для обманутыхъ? Не буду говорить о брамизмѣ, будизмѣ, конфуціанствѣ, магометанствѣ, въ которыхъ были тѣ же

явленія, не потому чтобы было невозможно найти то - же самое; для каждаго, читавшаго объ этихъ религіяхъ, будетъ ясно видно то-же явленіе, что и въ христіанствѣ, но буду говорить исключительно о христіанствѣ, какъ о вѣрѣ намъ извѣстной, намъ нужной и дорогой. — Въ христіанствѣ весь обманъ построенъ на фантастическомъ понятіи о церкви, ни на чемъ не основанномъ и поражающемъ, если вникнуть въ христіанство, своей неожиданной и бесполезной безсмыслицей. Изъ всѣхъ безбожныхъ понятій и словъ, нѣтъ слова и понятія, породившаго болѣе зла, нѣтъ понятія, болѣе враждебнаго ученію Христа, какъ понятіе Церкви. Въ сущности слово „экклезія“, значитъ собраніе и больше ничего и также употреблялось въ Евангеліяхъ.

Въ языкахъ всѣхъ новыхъ народовъ слово экклезія значитъ домъ молитвы. Дальше этихъ значеній, не смотря на 1500 лѣтіе существованія обмана церкви, слово это не проникло ни въ какой языкъ. По опредѣленіямъ, которыя даютъ этому слову тѣ жрецы, которымъ нуженъ обманъ церкви, оно оказывается ничѣмъ инымъ, какъ предисловіемъ говорящимъ: „все, что я теперь буду говорить, все — истина, и если не повѣришь, то я тебя сожгу или

проклянѣнъ и всячески обижѣнъ.“ Понятіе это есть софизмъ и нуженъ для нѣкоторыхъ діалектическихъ цѣлей, и остается достояніемъ тѣхъ, которымъ оно нужно. Въ народѣ, не только въ массѣ, но и въ обществѣ, въ средѣ образованныхъ людей, не смотря на то, что этому учатъ въ катехизисахъ, понятія этого совсѣмъ нѣтъ. Опредѣленіе это, какъ не совѣстно разбирать его серьезно, (но надо сдѣлать это, потому что столько людей выдаютъ его за что-то важное) — опредѣленіе это совершенно ложно. Когда говорятъ, что Церковь есть собраніе истинно вѣрующихъ, то собственно ничего не говорятъ, потому что если я скажу, что капелла есть собраніе всѣхъ истинныхъ музыкантовъ, то я ничего не сказалъ, если я не сказалъ, что я называю истинными музыкантами. Оказывается же по богословію, что истинно вѣрующіе тѣ, которые слѣдуютъ ученію Церкви, т. е. находятся въ Церкви. Не говори уже о томъ, что истинныхъ такихъ сотни, опредѣленіе это ничего не говоритъ и, казалось бы даже бесполезно, какъ опредѣленіе капеллы — собраніе истинныхъ музыкантовъ, если бы тотчасъ же за этимъ не виднѣлся конецъ уха. Церковь истинна и едина, и въ ней пастыри и паства; и пастыри Богомъ установленные учатъ

этому истинному и единому учению, т. е. „Ей Богу все, что мы будемъ говорить, все истинная правда“. Дальше ничего нѣтъ. Обманъ весь лишь въ словѣ и понятіи Церкви. И смыслъ этого обмана только тотъ, что есть люди, которымъ безъ памяти хочется учить своей вѣрѣ другихъ людей. Для чего имъ такъ хочется учить своей вѣрѣ другихъ людей? Если бы у нихъ была истинная вѣра, они бы знали, что вѣра есть смыслъ жизни, отношеніе къ Богу, устанавливаемое каждымъ человѣкомъ, и что потому учить вѣрѣ нельзя, учить можно только обману вѣры. Но они хотятъ учить. Для чего? Самый простой отвѣтъ былъ бы въ томъ, что пону нужны яйца, архіерею — дворець, кулебяки и шелковая ряса но этотъ отвѣтъ недостаточенъ.

Таковъ безъ сомнѣнія внутренній, психологическій поводъ къ обману, поводъ, поддерживающій обманъ. Такъ разбирая, какимъ образомъ могъ одинъ человѣкъ (палачъ) рѣшиться убивать другого человѣка, противъ котораго онъ не имѣетъ никакой злобы. Было бы не достаточно сказать, что палачъ убиваетъ, потому что ему даютъ водку, калачи и красную рубаху. Точно также недостаточно сказать, что кіевскій митрополитъ съ монахами наби-

васть соломой мѣшки, называя ихъ мощами угодниковъ, только для того, чтобъ имѣть 30,000 руб. дохода. И то и другое дѣйствіе слишкомъ ужасны и противны человѣческой природѣ для того, чтобы такое простое, грубое объясненіе могло быть достаточно. Какъ палачъ, такъ и митрополитъ объясняя свой поступокъ приведуть цѣлый рядъ доказательствъ, которыхъ главная основа будетъ историческое преданіе. Человѣка надо казнить, казимъ съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ. Не я такъ другой. Я сдѣлаю это, надѣясь на Божью помощь, лучше, чѣмъ другой. Такъ же скажетъ митрополитъ: видимое Богопочитаніе нужно; съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, почитали мощи и угодниковъ.

Пещерныя мощи почитаютъ, ходятъ сюда. Не я, такъ другой будетъ хозяйничать надъ ними; я, съ Божьей помощью, надѣюсь богоугодное употребить деньги, вырученныя кощунственнымъ обманомъ.

Чтобы понять обманъ вѣры, надо пойти къ его началу и источнику. Мы говоримъ о томъ, что знаемъ о христіанствѣ. Обратясь къ началу христіанскаго ученія въ Евангеліяхъ, мы находимъ ученіе, прямо исключющее видимое Богопочитаніе, осуждающее всякое учительство. Но отъ времени

Христа, приближаясь къ нашему времени, мы находимъ отклоненіе ученія отъ этихъ основъ, положенныхъ Христомъ. Отклоненіе это начинается со времени Апостоловъ, и особенно съ охотника до учительства Павла, и чѣмъ дальше распространяется христіанство, тѣмъ больше и больше оно отклоняется и усваиваетъ себѣ пріемъ того самаго видимаго Богопочитанія и учительства, отрицаніе котораго такъ положительно выражено Христомъ. Но въ первыя времена христіанства понятіе церкви употребляется только, какъ представленіе о всѣхъ тѣхъ, раздѣляющихъ то вѣрованіе, которое я считаю истиннымъ. Понятіе совершенно вѣрное, если не включаетъ въ себя выраженіе вѣрованій словами (по всей жизни), такъ какъ вѣрованіе не можетъ быть выражено словами. Употреблялось еще понятіе истинной Церкви, какъ доводъ противъ разногласящихъ, но до Царя Константина и Никейскаго собора церковь есть только понятіе. Со времени же царя Константина и Никейскаго собора, она становится дѣломъ и дѣломъ обмана. Начинается тотъ обманъ митрополитовъ съ мощами, поповъ съ Евхаристіей, Иверскихъ, Синодовъ и т. п. которые такъ поражаютъ и ужасаютъ насъ и не находятъ достаточнаго

объясненія по своему безобразію ради одной выгоды этихъ лицъ. Обманъ этотъ старый, и онъ начался не изъ однихъ выгодъ частныхъ лицъ; нѣтъ такого человѣка-изверга, который бы рѣшился это дѣлать, если бы онъ былъ первый и если бы не было другихъ причинъ. Причины приведенія къ этому были недобрыя! По плодамъ вы узнаете ихъ. Начало было зло: ненависть человѣческая, гордость, вражда противъ Арія и пр., и другое еще большее зло есть единеніе христіанъ съ властью.

— Власть; Константинъ, царь, но языческимъ понятіямъ, стоящій на высотѣ величія человѣческаго (онъ причисленъ къ богамъ), принимаетъ христіанство, подаетъ примѣръ всему народу, обращаетъ народъ, подаетъ руку помощи противъ еретиковъ и устанавливаетъ, посредствомъ Вселенскаго Собора, единую православную христіанскую вѣру. Христіанская католическая вѣра установлена навсегда, т. е. естественно было поддаться на этотъ обманъ и до сихъ поръ еще такъ вѣруютъ въ спасительность этого событія. А это было событіе, гдѣ большинство христіанъ отрекалось отъ своей вѣры. Это были тѣ моменты, когда огромное большинство христіанъ пошло именно по полуязыческой дорогѣ и

идеть до сихъ поръ. Карль Великій, Владиміръ продолжаютъ тоже. И обманъ Церкви идетъ до сихъ поръ, — обманъ, состоящій въ томъ, что принятіе властью христіанства нужно для тѣхъ, которые понимаютъ букву, а не духъ христіанства. Проживъ 1500 лѣтъ подъ этимъ кощунственнымъ союзомъ мнимаго христіанства съ государствомъ, надо сдѣлать большое усиліе, чтобъ забыть все сложныя софизмы, которыми 1500 лѣтъ, вездѣ, въ угоду власти, изуродовавъ все ученіе Христа, чтобы оно могло ужиться съ государствомъ, (надо сдѣлать большое усиліе), пытались объяснить святость, законность государства и возможность его быть христіанскимъ. Въ сущности-же слова „христіанское государство“ есть тоже, что слова „теплый, горячій ледъ“. Или нѣтъ государства, или нѣтъ христіанства. Для того, чтобы ясно понять это, надо забыть все тѣ фантазіи, въ которыхъ мы старательно воспитываемся и прямо спрашивать о значеніи тѣхъ наукъ историческихъ и юридическихъ, которымъ насъ учатъ. Основъ эти науки не имѣютъ никакихъ; все эти науки ничто иное, какъ апологія насилія. — Пропустивъ исторію Персовъ и Мидянъ и т. д. возьмемъ исторію того государства, которое

первое составило союзъ съ христіанствомъ. Было разбойничье гнѣздо въ Римѣ; оно разрослось грабительствомъ, насиліемъ, убійствомъ, оно завладѣло народами. Разбойники и потомки ихъ съ атаманами, которыхъ называли то Кесаремъ, то Августомъ, во главѣ грабило и мучило народъ для удовлетворенія своихъ похотей. Одинъ изъ наслѣдниковъ этихъ разбойничьихъ атамановъ, Константинъ, начитавшись книгъ и пресытившись похотью жизни, предпочелъ нѣкоторые догматы христіанства прежимъ вѣрованіямъ; принесенію людскихъ жертвъ онъ предпочелъ обѣдню, почитанію Апполона, Венеры и Зевса, онъ предпочелъ Единого Бога съ Сыномъ Христомъ и велѣлъ ввести эту вѣру между тѣми, которыхъ онъ держалъ подъ своею властью „Цари властвуютъ надъ народами, между вами да не будетъ такъ“, „не убій, не прелюбодѣйствуй, терпи зло“, всего этого ему никто не сказалъ. А ты хочешь называться христіаниномъ и продолжать быть атаманомъ разбойниковъ, бить, жечь, блудить, воевать, казнить, роскошествовать? Можно. И они устроили ему христіанство и устроили очень покойно, даже такъ, какъ нельзя было ожидать. Они предвидѣли, что прочтя Евангелія, онъ можетъ хвалиться, что тамъ

требуется все это, т. е. жизнь христіанская, кромѣ построенія храмовъ и хожденія въ нихъ. Они предвидѣли и внимательно устроили ему такое христіанство, что онъ могъ не стѣняясь жить по старому, по язычески. Съ одной стороны — Христось, Сынъ Бога, затѣмъ только и приходилъ, чтобы его и всѣхъ искупить. Оттого, что Христось умеръ, Константинъ можетъ жить, какъ хочетъ. А этого мало, можно покаяться и проглотить кусочекъ хлѣба съ виномъ — это будетъ спасеніе и все простится. Мало того, они еще власть его разбойничью освятили и сказали, что онъ отъ Бога и помазали его масломъ. За то и онъ имъ устроилъ, какъ они хотѣли: собраніе поповъ и велѣлъ сказать какое должно быть отношеніе каждаго человѣка къ Богу и каждому человѣку велѣлъ это повторять. И всѣ стали довольны и вотъ 1500 лѣтъ живетъ эта самая вѣра на свѣтѣ и другіе разбойники, атаманы ввели ее, и всѣ они помазаны, и всё, всё отъ Бога. Если какой злодѣй пограбитъ всѣхъ, побьетъ много народу, его помажутъ они, онъ отъ Бога. У насъ мужеубійца, блудница была отъ Бога, у французовъ Наполеонъ. А попъ за то не только ужъ отъ Бога, но почти самъ Богъ, потому что въ

немъ сидитъ Духъ Святой. И въ попѣ и въ нашемъ Синодѣ съ его командирами чиновниками.

Если нашъ какойнибудь помазанныкъ, т. е. атаманъ-разбойникъ, захочетъ побить чужой и свой народъ, сейчасъ ему сдѣлаютъ святой воды, покропятъ крестъ (тотъ крестъ, на которомъ умеръ, неся его, Христосъ за то, что онъ отрицалъ этихъ самыхъ разбойниковъ), возьмутъ и благословятъ побить, повѣсить, голову отрубить. И все бы хорошо, да не умѣли и тутъ согласиться и стали помазанныки другъ друга называть разбойниками, — то что они и есть, — а народъ сталъ прислушиваться и пересталъ вѣрить въ помазанныковъ и въ хранителей Св. Духа и выучился у нихъ же называть ихъ какъ слѣдуетъ, и какъ они сами себя называютъ, т. е. разбойниками и обманщиками. Но о разбойникахъ пришлось только къ слову, потому что они развратили обманщиковъ. Рѣчь же объ обманщикахъ, мнимыхъ христіанахъ. Такими они сдѣлались отъ соединенія съ разбойниками. И не могло быть иначе. Они сошли съ дороги съ той самой первой минуты, какъ освятили перваго царя и увѣрили его, что онъ своимъ насиліемъ можетъ помочь вѣрѣ о смиреніи, самоотверженіи и прощеніи обидъ. Вся

исторія настоящей церкви, не фантастической, т. е. исторія іерархіи подъ властью царей, есть рядъ гнусныхъ попытокъ этой несчастной іерархіи сохра- нить истину ученія, проповѣдуя ее ложно и на дѣлѣ отступая отъ нея. Значеніе іерархіи основано только на ученіи, которому она хочетъ учить. Ученіе говоритъ о смиреніи, самоотверженіи, любви, нищитѣ, но ученіе это проповѣдуется насиліемъ и зломъ. Для того, чтобъ іерархіи было чему учить, чтобы были ученики, нужно не отречься отъ ученія, но для того, чтобъ очистить себя и свою незаконную связь съ властью, нужно всякими ухищреннѣйшими соо- браженіями скрыть сущность ученія и для этого центръ тяжести ученія нужно перенести не на сущность ученія, а на виѣшнюю сторону его. И это самое дѣлаетъ іерархія, источникъ того обмана вѣры, который проповѣдуется церковью. Источникъ есть соединеніе іерархіи, подъ именемъ Церкви съ властью, насиліемъ. Источникъ же того, что люди хотятъ научить другихъ вѣрѣ, — въ томъ, что истинная вѣра обличаетъ ихъ самихъ, и имъ нужно вмѣсто истинной вѣры подставить свою вымышлен- ную, которая бы ихъ оправдывала. Истинная вѣра вездѣ можетъ быть, но только не тамъ, гдѣ она

явно ложная, т. е. насилующая, — не въ государственной вѣрѣ. Истинная вѣра можетъ быть во всѣхъ, такъ называемыхъ, расколахъ, ересьхъ, но навѣрное не можетъ быть тамъ, гдѣ она соединилась съ государствомъ. Страшно сказать, но названіе „православная, католическая, протестантская вѣры“, какъ эти слова установились въ обыкновенной рѣчи, значать не что иное, какъ вѣра соединенная съ властью, государственная вѣра и потому ложная. Понятіе Церкви, т. е. единомысліе многихъ, большинства и вмѣстѣ съ тѣмъ близость къ источнику ученія въ первые два вѣка христіанства, было только однимъ изъ плохихъ виѣшнихъ доводовъ. Павелъ говорилъ: „я знаю отъ самого Христа“. Другой говорилъ: „я знаю отъ Луки“, и всѣ говорили мы думаемъ вѣрно и въ доказательство того, что мы думаемъ вѣрно, насъ большое собраніе, церковь сольется воедино; но только съ собора въ Никее, устроеннаго царемъ начался для всѣхъ иновѣдующихъ одно и тоже ученіе, прямой сознательный обманъ. „Изволилось намъ и Св. Духу“ стали говорить тогда. Понятіе церкви стало уже не только плохой аргументъ, а стало для нѣкоторыхъ властью. Оно соединилось съ властью и стало дѣйствовать,

какъ власть. И все что соединилось съ властью и подпало ей, перестало быть вѣрой и стало обманомъ. Чему учить христіанство, понимая его, какъ ученіе какой бы то ни было церкви или всѣхъ церквей? Какъ хотите разбирайте, смѣшивая или подраздѣляя, но тотъ-часъ-же все ученіе христіанское распадется на два рѣзкіе отдѣла: ученіе о догматахъ, начиная съ Божественнаго Сына и Духа, отношенія этихъ лицъ до Евхаристіи съ виномъ или безъ вина, прѣснаго или кислаго хлѣба, и на нравственное ученіе, смиренія, нестяжательности, чистоты тѣлесной и духовной, неосужденія и освобожденія отъ неволи узъ и миролюбія. Какъ ни старались учителя церкви смѣшивать эти двѣ стороны ученія въ жизни народовъ и по этимъ плодамъ можно заключить о томъ, какая сторона болѣе важная и, если можно сказать, и болѣе истинная, то какая болѣе истинна? Посмотри на исторію христіанства и ужасъ нападетъ на тебя.

Безъ исключенія съ самаго начала и до самаго конца, до насъ, куда ни помотришь, на какой ни взглянешь догматъ, хоть съ самаго начала, — догматъ божественнаго Христа, и до сложенія перстовъ, до причастія съ виномъ или безъ вина, плодъ

всѣхъ этихъ умственныхъ трудовъ, направленныхъ на разъясненіе догматовъ, — злоба, ненависть, казни, изгнанія, побоища женъ и дѣтей, костры, пытки; посмотришь на другую сторону нравственнаго ученія, отъ удаленія въ пустыню для общенія съ Богомъ до обычая подавать калачи въ острогѣ, и плоды этого — всѣ наши понятія добра, все то радостное, утѣшительное, служащее намъ свѣточемъ въ исторіи Заблуждаться тѣмъ, передъ глазами которыхъ не выразились еще ясно плоды того и другого можно было, нельзя было не заблудиться. Можно было и заблудиться тѣмъ, которые истинно вовлечены были въ эти споры о догматахъ, не замѣтивъ того, что они этими догматами служатъ дьяволу, а не Богу, не замѣтивъ того, что Христосъ прямо говорить, что онъ пришелъ разрушить всѣ догматы. можно было заблуждаться и тѣмъ, которые унаслѣдовавъ преданіе о важности этихъ догматовъ, получили такое превратное воспитаніе умственное, что не могутъ видѣть своей ошибки, можно — и тѣмъ темнымъ людямъ, для которыхъ догматы эти не представляютъ ничего, кромѣ словъ или фантастическихъ представленій. — Но намъ, для которыхъ открыть первый смыслъ Евангелія,

отрицающаго всякіе догматы, намъ, имѣющимъ передъ глазами плодъ въ исторіи этихъ догматовъ, намъ нельзя уже ошибаться. Исторія для насъ — повѣрка истинности ученія, повѣрка даже механическая. Догматъ непорочнаго зачатія Богородицы — нуженъ онъ или нѣтъ? Что отъ него произошло? Злоба, ругательства, насмѣшки. А польза была? Никакой. Ученіе о томъ, что не надо казнить блудницу-пужно оно или нѣтъ? Что отъ него произошло?

1000 и 1000-мъ разъ люди были смягчены этимъ напоминаніемъ. Другое: въ догматахъ, какихъ-бы ни было, все согласны? — Нѣтъ. — Въ томъ, чтобъ просищему дать? Все. И вотъ первое — догматъ, въ чемъ никто не согласенъ, что никому не нужно, что губить людей, это то іерархія выдавала и выдаетъ за вѣру; и второе то, въ чемъ все согласны, что всемъ нужно и что спасаетъ людей, этого хотя и не смѣла отрицать іерархія, но не смѣла и выставить, какъ ученіе, ибо это ученіе отрицало ее самое.

Типографія Розенталя и Ко. въ Берлипѣ Н.

2007053879